

Зоя Дашевская

Обзор деятельности Братства Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа (1909–1917 гг.)

В статье рассматривается деятельность московского межприходского Братства Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, которое было образовано в конце 1909 г. и просуществовало до 1917–1918 годов. Братство отличалось от множества приходских братств своими целями, составом и формами деятельности, объединяя людей традиционного благочестия, жаждавших «возрождения начал соборности на основе живого церковного общения епископа, клира и мирян». В центре внимания Братства находились насущные вопросы жизни церкви — восстановление соборности, вовлечение мирян в богослужение и церковную благотворительность. Члены Братства активно участвовали в подготовке Поместного собора Российской церкви, наиболее деятельные из них собирали силы церкви для противостояния гонениям безбожной власти.

Ключевые слова: братство, Ф. Д. Самарин, А. Д. Самарин, соборность, миряне, приход, богослужение, Поместный собор 1917–1918 гг.

Братство во имя святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа было открыто 27 декабря 1909 г. и прекратило свое существование в послереволюционное лихолетье, хотя точных свидетельств о его роспуске или прекращении деятельности обнаружить не удалось.

Деятельность этого Братства в настоящий момент мало изучена. Можно с сожалением отметить, что о Братстве не написано ни одной монографии. Сведения пришлось собирать буквально по крупицам из московской периодической церковной печати 1910–1917 гг., а также из воспоминаний лиц, входивших в Братство, их родственников и людей, находившихся в переписке с его членами. В «Московских церковных ведомостях» был опубликован Устав Братства, список его учредителей, доклад Ф. Д. Самарина на открытии Братства, годовой отчет за 1910 г. и некоторые

другие материалы о деятельности Братства в тот период, когда Московскую кафедру возглавлял митр. Владимир (Богоявленский). После его перемещения на Санкт-Петербургскую кафедру «Московские церковные ведомости» ограничивались лишь краткими объявлениями о собраниях Братства и небольшими заметками в разделе «Летопись епархиальной жизни».

В газете «Церковные ведомости» (СПб) и «Прибавлениях» к ним в 1914 г. к пятидесятилетию со времени издания Основных правил для учреждения православных церковных братств был опубликован обширный материал «Православные церковные братства (1864 г. 8 мая — 1914 г.)», в котором дается подробный обзор деятельности братств в епархиях Российской империи за 50 лет, однако но о Братстве свт. Московских в отчете не упоминается [*Введенский*]. Наш современник Ф. А. Дорофеев, исследовавший историю братского движения в России, пишет о братствах, действовавших в пореформенной России до революционного слома 1917 г.¹, но ничего не сообщает о Братстве Святителей Московских. Ю. Л. Ореханов, исследователь архива Ф. Д. Самарина, лишь упоминает о создании Братства [*Ореханов, 119*]. В воспоминаниях дочери Ф. Д. Самарина М. Ф. Мансуровой и дочери А. Д. Самарина Е. А. Чернышовой-Самариной о Братстве ничего не сказано [*Самарины*]. Поэтому основным источником настоящего исследования была церковная периодика.

Доклад Ф. Д. Самарина, прозвучавший на открытии Братства, вызвал широкий общественный резонанс: его опубликовали как церковные, так и светские издания [*Самарин 1910; Самарин 1916*]. Главной целью нового Братства объявлялось возрождение начал соборности на основе живого церковного общения епископа, клира и мирян. Цели и задачи, которые ставило перед собой Братство, и его деятельность уже не вмещались в рамки, очерченные Положением о деятельности братств 1864 года. Открытие Братства свидетельствует о том, что потребность в обновлении церковной жизни ощущалась не только в среде левых думских депутатов-священников, но и среди людей традиционного московского благочестия.

Братство и по составу, и по имеющимся средствам сильно отличалось от приходских братств. Его создание было обусловлено

1. Дорофеев Ф. А. Эволюция православных братств Руси / России : Опыт конкретно-исторического исследования : Дис... кандидата исторических наук. Н. Новгород, 1998. 193 с.

церковно-общественной ситуацией, особенно предсоборным движением в Русской церкви. Будущий председатель Совета Братства Ф. Д. Самарин был лично приглашен императором Николаем II для работы в составе Предсоборного присутствия и стал одним из активных его участников. Созыв Поместного собора не соответствовал политическим планам государя; деятельность Предсоборного присутствия, завершившего свою работу в 1906 г., не привела к созыву Собора. Вскоре после окончания работы Присутствия Самарин подчеркивал: «Если вопросы, которые будут подлежать решению Собора, не будут предварительно уяснены в церковном сознании и православные люди не придут к некоторым соглашениям относительно способов разрешения этих вопросов, задача Собора будет слишком трудна»². Как отмечает С. Л. Фирсов, «воспитание церковного сознания по существу являлось одной из самых сложных и самых важных проблем, без решения которой невозможно было надеяться на удачный созыв Собора» [Фирсов, 248], пусть и отложенного. Этот путь и избрал для своей церковной деятельности будущий председатель Совета Братства Федор Дмитриевич Самарин. По свидетельству члена Совета Братства Владимира Александровича Кожевникова, усилия его в этом смысле были двоякого рода: во-первых, поднять общее значение религиозно-церковного духа в жизни хотя бы скромной по размерам ближайшей среды; во-вторых, создать нечто практически целесообразное для современных церковных нужд.

Как отмечает Кожевников, осязательным плодом этого замысла явился возникший в Москве по почину Федора Дмитриевича и единомышленных с ним лиц «Кружок ищущих христианского просвещения», а его усилия по улучшению церковной жизни воплотились в его деятельности в «Братстве Святителей Московских»³. Член Совета Братства, близкий Самарину, Павел Борисович Мансуров, свидетельствовал о глубокой убежденности Самарина в невозможности изменить церковную жизнь путем «начальственных циркулярных распоряжений» и о его принципиальном отказе от «средств для действия во благо Церкви, которые предоставляет светская власть»⁴. Это, по-видимому, означало, что разрешить серьезные вопросы внутренней жизни церкви

2. Цит. по: [Фирсов, 247].

3. См. его слово «От кружка ищущих христианского просвещения» в сборнике памяти Ф. Д. Самарина [От друзей, 1–3].

4. Сообщение П. Б. Мансурова на заседании Братства Святителей Московских 1-го декабря 1916 г. [От друзей, 8].

уже невозможно без активного участия всех членов церкви, особенно мирян. Именно поэтому опыт Братства Святителей Московских, опиравшегося на активность мирян в церковной жизни, представляется особенно важным в наши дни.

История создания Братства

НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БРАТСТВА

«Московские церковные ведомости» в первом номере за 1910 г. (от 2 января) опубликовали большое сообщение об открытии Братства Святителей Московских. В докладе Самарина, прозвучавшем на открытии, было сказано, что «новое Братство не может быть подведено под какой-либо из типов существующих обществ. Оно не может быть названо благотворительным обществом, его нельзя причислить также и к разряду просветительных обществ, хотя духовно-просветительная деятельность входит в число его задач» [Самарин 1916, 1]. Новое Братство имеет свою особую цель и этим отличается от приходских попечительств и братств, которые характеризуются им как «учреждения, не имеющие строго церковного характера» [Самарин 1916, 9].

Как было сказано выше, Братство сразу заявило иную цель своей деятельности — укрепление христианской веры и жизни на началах соборности, которая проявляется в живом церковном общении, и в этом видело свое служение нуждам православной церкви. Средствами для осуществления этой цели предполагались: более широкое участие мирян в богослужении, церковная благотворительность, активность клириков и мирян для содействия епархиальной власти и духовное просвещение.

Юбилейная публикация в «Церковных ведомостях» (СПб) о православных церковных братствах отмечает, что почти все братства, существовавшие в России к 1914 г., получили свое бытие в силу Правил⁵ 8 мая 1864 года [Введенский, 794–798]. Это означает, что Братство Святителей Московских должно было открываться в строгом соответствии с Правилами. Иначе быть не могло, тем более что, по свидетельству Кожевникова, Самарин как «в выработке Устава, так и в осуществлении намеченных задач проявлял отличавшее его неуклонное сочетание величайшей осторожности и почтения к авторитету Церкви с добросовестностью личного

5. См.: [Правила].

убеждения» [*От друзей*, 3]. Нельзя не отметить и некоторые принципиальные новшества.

Братство Святителей Московских не было учреждено при каком-либо храме, а являлось межприходским, объединяя в своем составе настоятелей и прихожан разных московских храмов. Оно получило благословение на свою деятельность от правящего архиерея Москвы митр. Владимира (Богоявленского), который и стал первым председателем Братства. Далее почетным председателем Братства на протяжении всей его деятельности являлся правящий или викарный архиерей Московской епархии, а председателем Совета Братства — мирянин.

В соответствии с Правилами Братство имело Устав, утвержденный 17 сентября 1909 г. митр. Владимиром (Богоявленским), и действовало в соответствии с ним в пределах Московской епархии.

27 декабря 1909 г. в Чудовом монастыре состоялось открытие Братства. Ему предшествовало богослужение в Алексеевском храме Чудова монастыря, у мощей свт. Алексия Московского. Литургию совершал преосв. Анастасий; в конце владыка произнес речь по поводу учреждения нового Братства; затем был отслужен молебен.

Как сообщают «Московские церковные ведомости», после торжественного богослужения в покоях митрополита состоялось первое общее собрание Братства. Первоначально в состав пожизненных членов входили все его учредители (55 человек). Назовем лишь наиболее известных: Анастасий, еп. Серпуховской, викарий Московской епархии; архим. Феодор, ректор Московской семинарии; священник Владимир Востоков; священник Илия Гумилевский, преподаватель Московской духовной семинарии; священник Николай Любимов; прот. Иосиф Фудель, настоятель Николаевской церкви в Плотниках; действительный статский советник Александр Дмитриевич Самарин; коллежский секретарь Петр Дмитриевич Самарин; кандидат Московского Университета Сергей Дмитриевич Самарин; надворный советник Федор Дмитриевич Самарин; гофмейстер В.К. Истомина; потомственный почетный гражданин Владимир Александрович Кожевников; доктор медицины Александр Александрович Корнилов; статский советник Иван Алексеевич Лебедев; присяжный поверенный Николай Дмитриевич Кузнецов; статский советник Павел Борисович Мансуров; кандидат Московского Университета Александр Иванович Новгородцев; кандидат Московского Университета Михаил Александрович Новоселов; статский советник редактор-издатель

«Московских ведомостей» Лев Александрович Тихомиров; действительный статский советник Дмитрий Алексеевич Хомяков.

Дела Братства находились в ведении собрания Братства, которое состояло из пожизненных членов и членов по выбору от отделений; братчики по приходам и члены-соревнователи участвовали в собрании с правом совещательного голоса. Для руководства делами Братства избирался Совет сроком на три года. Первым председателем Совета был избран Ф. Д. Самарин, членами Совета — прот. Иосиф Фудель, В. К. Истомин, А. А. Корнилов, И. А. Лебедев, П. Б. Мансуров и Н. И. Шелепин. Резолюцией митрополита от 9 января 1910 г. Ф. Д. Самарин был утвержден в должности председателя Совета Братства, П. Б. Мансуров был избран товарищем (т. е. заместителем) председателя Совета.

При обсуждении на заседании 27 декабря вопроса о задачах Братства и о способах их осуществления Ф. Д. Самарин сделал доклад, в котором изложил задачи, указанные в братском уставе. Как следует из доклада, Братство имеет целью «укрепление православной веры и церковной жизни», состояние которых характеризуется докладчиком как кризисное, нуждающееся в «излечении от тяжелого нравственного недуга, грозящего привести к полному духовному разложению» [Самарин 1916, 2]. На общем собрании было решено взяться за такое дело, в котором легче достигнуть сколько-нибудь существенных результатов при малых средствах и в котором сразу и ярче всего проявится церковно-практический характер деятельности Братства.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ БРАТСТВА (ПО ДОКЛАДУ Ф. Д. САМАРИНА)

Доклад Ф. Д. Самарина, прозвучавший на открытии Братства 27 декабря 1909 г., сразу стал событием церковной жизни не только Москвы, но и всей Русской церкви. Он был опубликован в газете «Московские церковные ведомости» [Самарин 1910] и впоследствии в 1916 г. вышел отдельным изданием [Самарин 1916]. Доклад представляет собой продуманную программу церковных преобразований, которые исходят из самых насущных потребностей церкви.

Самарин выделяет те стороны церковной жизни, в которых принцип живого общения епископа, клира и мирян не осуществляется с надлежащей полнотой и не проводится с должной последовательностью:

- 1) способ совершения богослужения;

- 2) отношение церковных учреждений к благотворительности;
- 3) способ разработки вопросов церковно-общественной жизни;
- 4) духовно-просветительская деятельность церкви.

Отмечая недостатки в совершении приходского богослужения, Самарин настаивает на том, что «если в деле частной молитвы каждый отвечает за себя, то в деле молитвы общецерковной ответственность несут все друг за друга, и потому никто не вправе молчать, когда видит, что церковная служба совершается не надлежащим образом» [*Самарин 1916*, 5]. Самарин обращает внимание на норму совершения богослужения, а именно непрерывное, теснейшее взаимодействие клира и мирян. «Здесь один говорит за всех и от имени всех, но его слова немедленно находят отклик у всех и они торжественно во всеуслышание подтверждают свое согласие с ним» [*Самарин 1916*, 7]. Диалог предстоятеля и всего народа особенно проявляется при совершении евхаристического богослужения. Принцип совершения богослужения остается неизменным: народ не лишен права участия в нем, поэтому для укрепления веры и церковной жизни, для установления живого общения между епископом, клиром и мирянами представляется существенно важным привлечь мирян к участию в общей молитве через церковное пение и чтение.

В вопросе о благотворительности Самарин констатирует, что этот вид деятельности давно не является приоритетным; благотворительность если не совсем прекратилась, то далека от возрастающих потребностей и носит случайный характер. Благотворительная деятельность сосредоточена в пределах прихода и возложена на приходские попечительства, «церковная же организация прихода ими ничуть не затронута». Самарин предлагает целостную концепцию благотворительности как социальную задачу церкви. Он утверждает, что «церковная организация не может замыкаться в заботы о храме и причте, предоставляя попечение о неимущих государственным и общественным учреждениям. Церковь должна взять дело помощи неимущим в свои руки» [*Самарин 1916*, 10]. Таким образом, в задачи Братства входило возвращение к другой, изначальной церковной норме: в общине верных не должно быть бедных, ибо она сама заботится о своих неимущих.

Далее Самарин касается насущного вопроса жизни церкви — восстановления соборности в каждой клетке церковного тела. Начиная церковной единицей Самарину виделся приход, поэтому важнейшей задачей Братства постулировалось возрождение прихода через благотворительность и привлечение мирян к участию

в богослужении. Но «приход не есть что-то в себе замкнутое и себе довлеющее; он входит в состав общецерковной организации и неразрывно с нею связан. В его жизни должно отражаться все, что совершается в епархии, в церкви поместной и даже в церкви вселенской, приходское общество со своей стороны не может оставаться равнодушным к тому, что происходит вокруг него» [*Самарин 1916, 11*]. Это положение выводит задачи Братства на общецерковный уровень и требует восстановления поместно-приходской соборности как необходимого элемента устройства церкви. Как отмечает Самарин, «при всем упадке приходского строя в нем все же еще значительно больше жизненности, чем в епархиальной организации» [*Самарин 1916, 11*]. Миряне не знают своего епископа, и сложившийся строй епархиальной жизни следует признать глубоко ненормальным. Мириться с ним нельзя, необходимо во что бы то ни стало восстановить непосредственное общение епископа с паствой.

Преобразованиями в области церковных учреждений должен заниматься Поместный собор, в котором деятельно проявит Себя живущий в Церкви Дух Святой, говорится в докладе. Но прежде созыва Собора требуется предварительная работа церковного сознания, чтобы и пастыри, и паства прониклись самим духом соборности. Соборность не есть внешняя норма и не особая форма правления, утверждает докладчик; это внутренняя связь между всеми членами церкви. Дух соборности не уравнивает в церкви старших и младших, но самый принцип соборности означает ответственность каждого члена церковного Тела, а не только тех, «кому это дело ведать надлежит» в силу церковной должности. Миряне также несут свою долю ответственности за непорядки и нестроения церковной жизни, которые сами же склонны с легкостью обличать. Церковная иерархия, в свою очередь, не должна полагаться исключительно на себя, но помнить, что все верующие не лишены благодати Духа Святого. Только при сознательном участии всего церковного народа деятельность церкви будет успешной.

Самарин выразил опасение, что готовящийся Собор без согласных усилий всех членов церкви, как пастырей, так и пасомых, легко может обратиться во внешнее учреждение и его созыв пройдет бесследно для церковной жизни. Поэтому одной из своих задач Братство считает содействие епархиальной власти в разработке вопросов церковно-общественной жизни и настаивает, что «не ищет ничего для себя» и не добивается каких-либо особых прав. «Мы не можем оставаться посторонними и безучастными зрителями

всего того, что совершается в церкви, с которой мы хотим жить одною жизнью», — говорится в докладе [*Самарин 1916, 14*].

Из ответственности всех членов церкви вытекает и необходимость духовно-просветительской деятельности Братства. Самарин отмечает недостаточность общения между «руководящими элементами церковного общества и массой верующего народа» [*Самарин 1916, 15*]. Он признает, что налицо разрыв между подвижниками, посвятившими себя созерцательной жизни, и мирянами — философами, публицистами, художниками. Труды деятелей богословской науки (таких как проф. В.В. Болотов и прот. А.В. Горский) не пользуются должной известностью и не оказывают положительного влияния на образ мыслей общества, так как «богословская школа развивалась у нас всегда в полной отрешенности от жизни нашего общества, а ученые труды богословов не отвечают на духовные запросы общества и не связаны с работой его религиозного сознания». Из этого вытекает необходимость приблизить богословскую науку к жизни и, с другой стороны, возбудить к ней интерес среди мыслящих мирян. «Пока лица, призванные по своему сану и по своей профессии к церковному учительству, будут находиться в состоянии духовного одиночества, до тех пор вся работа нашей богословской школы будет совершенно чужда всему, что есть мыслящего в русской церкви» [*Самарин 1916, 16*]. Очевидно, Самарин говорит об отсутствии живой церковной среды из образованных и наученных церковных людей, поэтому так трагичен разрыв между ищущей интеллигенцией, представляющей творческие, образованные силы народа, и деятелями церкви. Выход из создавшегося положения новое Братство видит в общем стремлении к живому общению между составными элементами церковного тела, которое выразится в деле духовного просвещения.

Итогом сказанного является церковная позиция Братства: «Братство есть союз церковный, имеющий целью работать над практическим и теоретическим разрешением вопросов церковной жизни; Братство желает сблизить и сплотить воедино мирян с духовенством и видит в этом единственный путь к тому, чтобы поднять церковную жизнь на должную высоту и укрепить веру» [*Самарин 1916, 17*]. В Уставе Братства были закреплены следующие цели:

1) содействие церковной власти и приходским учреждениям в том, чтобы богослужения совершались с должным благолепием и при возможно более широком участии мирян в чтении и пении;

2) содействие общению существующих органов церковно-приходской благотворительности и возникновению таковых, где их не имеется;

3) содействие епархиальной власти в разработке вопросов церковно-общественной жизни;

4) духовно-просветительская деятельность.

На первых порах, как отмечалось в докладе, можно начать с небольшого дела, которое бы соответствовало силам и средствам возникшего Братства. В вопросе средств стоит заметить, что Братство отказалось от государственной поддержки (т. е. тарелочных сборов в храмах в пользу братств и иных видов помощи), но существовало за счет взносов братчиков, их личных вкладов и пожертвований. Итак, на первый план Братством была выдвинута забота о церковном богослужении, далее предполагалось обратиться к организации церковной благотворительности. Более трудным, естественно, являлось осуществление третьего и четвертого пунктов первой статьи Устава Братства. Для практического содействия церковной власти и приходским учреждениям Братство предполагало организовать школу или курсы для обучения мирян церковному пению и чтению, чтобы подготовить их к возможно более широкому участию в богослужении.

Как видно, предполагаемые цели и задачи Братства вызваны насущными потребностями церкви и чувством ответственности за все, что в ней происходит. Ф. Д. Самарин, А. Д. Самарин, М. А. Новоселов, Н. Д. Кузнецов и другие братчики видели нужды и потребности церкви изнутри, поэтому не стремились к внешним преобразованиям, но желали восстановления ее канонического устройства.

Направления деятельности Братства

ИСПРАВЛЕНИЕ НЕДОСТАТКОВ ПРИХОДСКОГО БОГОСЛУЖЕНИЯ

Братство Святителей Московских пыталось вернуть изначальный смысл сложившимся формам церковной жизни, действуя очень осторожно, не ломая их. Это выразилось, например, в деятельной подготовке мирян к возможно более полному участию в церковном богослужении. Соответственно принятому первоначальному плану деятельности были открыты курсы пения в предоставленном Братству помещении церковно-приходской школы при церкви св. вмч. Георгия в Грузинах. На этих курсах в весеннее

и осеннее полугодие 1910 г. был образован хор из прихожан названной церкви (около 60 человек), который под руководством преподавателя пения Н. М. Соколова обучался пению литургии. В осеннее полугодие членом Братства Н. Н. Прейсом в рамках тех же курсов давались для желающих краткие объяснения богослужебных молитвословий с чтением относящихся к ним мест Священного писания⁶.

Братство направляло свои усилия на организацию всенародного пения на богослужении. Его деятельность не ограничивалась лишь заботой об участии мирян в богослужебном чтении и пении, но распространялась и на клириков. 11 мая 1911 г. на общем собрании Братства докладчик, пожелавший остаться анонимным, предложил меры к устранению «многих ненормальных явлений современной богослужебной практики»⁷. Чтение должно быть слышно всем присутствующим — это неперемное требование. Псаломщикам предлагается выходить для чтения часов, кафизм, шестопсалмия, паримий, тропарей канона на середину церкви и становиться пред царскими вратами. Еще лучше для чтения устраивать особое возвышение в середине храма; с него же дьякон может произносить ектеньи и читать Евангелие. Докладчик предложил также читать Евангелие за всенощной и литургией посредине церкви. Он упоминул «еще один прием, который мог бы применяться для того, чтобы чтение было лучше слышно»: священнику читать Евангелие, обращаясь к народу, ведь такая традиция существует в греческой церкви. Трудно усмотреть, что препятствовало бы распространить этот обычай на все те случаи, когда Евангелие читается священником, говорится в докладе. Непременным условием является также и то, чтобы все присутствующие могли следить за тем, что читается. Поэтому богослужебное чтение должно быть не только громким и внятным, но и наполнено смыслом [*Доклад Совета Братства*].

К сожалению, лишь некоторые положения доклада были приняты общим собранием в присутствии еп. Анастасия, заместителя председателя Братства. В основном решения выразились

6. Обучение на курсах преследовало цель дать желающим возможность исполнять в церкви литургийные песнопения в присутствии православного богослужению церковно-молитвенном ключе. В весеннее полугодие хор закончил свои занятия на курсах 22 мая пением литургии в Георгиевской церкви. В осеннее — как в Георгиевской церкви, так и в церкви Бориса и Глеба на Поварской. Пение

хора, по свидетельству лиц, присутствовавших за богослужением с его участием, вполне отвечает поставленной Братством задаче [*Отчет о деятельности Братства*].

7. Этот проект Совета Братства обсуждался на заседании Московского епархиального съезда духовенства, на котором присутствовали члены Братства И. А. Лебедев и А. И. Новгородцев.

в рекомендациях, касающихся улучшения качества богослужебного чтения, но предложение читать Евангелие лицом к народу в окончательный документ не вошло.

В приходах, которые поддерживали Братство, вводилось общецерковное пение на богослужении. В 1910 г. Братством были организованы кратковременные курсы головщиков⁸ для подготовки лиц, способных управлять общенародным пением. Курсы были бесплатными и проходили в течение трех недель в епархиальном доме. Заявления от желающих участвовать присылались на имя члена Совета, прот. Иосифа Фуделя, который служил в храме свт. Николая в Плотниках, что на Арбате. На курсы записалось 25 человек, но только 13 человек прослушали весь курс до конца⁹. Обучение завершилось торжественным публичным экзаменом. В экзаменационную комиссию под председательством преосв. Анастасия вошли председатель Совета Братства Святителей Московских Ф. Д. Самарин, член Совета прот. Иосиф Фудель, руководитель курсов Д. И. Зарин и его помощник И. Г. Соколов. На память о курсах и в дар от Совета Братства владыка вручил каждому курсисту по экземпляру книги Успенского «Сборник церковных песнопений».

«Московские церковные ведомости» в № 45 за 1912 г. опубликовали доклад члена Братства свящ. Николая Смирнова «Общецерковное пение как средство для возрождения прихода», в котором автор констатирует развал приходской жизни и упадок религиозно-нравственной жизни пасомых. Он свидетельствует, что большинство верующих людей «равнодушны к вере, к приходскому храму, к церковно-приходским начинаниям в области благотворительности и просвещения» [Смирнов]. И народ, и интеллигенция невежественны в религиозных истинах, не приучены к церковной дисциплине. Автор предлагает «весьма могущественное средство для оживления наших паств», а именно общенародное пение в храмах за богослужением¹⁰. Это подтверждала практика общего пения в храме Воскресения Словущего в Кадашах, где служил о. Николай. Как отмечал докладчик, пение сплотило богомольцев храма в единую семью, проникнутую взаимным уважением и глубокой любовью

8. Головщи́к, в Древней Руси чин церковно-служителя, возглавлявшего певчих («крылошан») каждого из двух клиросов (ликов) монастырского хора (См.: Православная энциклопедия. Т. 11.

С. 711). — Прим. ред.

9. В составе слушателей согласно отчету были следующие лица: один монах из Данилова мо-

настыря, два псаломщика, шесть трапезников московских церквей и четыре мирянина из двух приходов.

10. На это Братство обратило особенное внимание с самого своего основания и разработке вопроса об общецерковном пении посвятило несколько заседаний.

к церковному богослужению. Это был необычный приход: начиная с 1910 г. каждое лето о. Николай вместе со всеми своими прихожанами (до 2 000 человек) совершал длительные многодневные паломничества, перед началом которых и в дороге совершалась литургия; пешие отрезки пути паломники шли с общим пением. По словам еп. Анастасия, это был «образ истинного прихода, как одной семьи во главе с пастырем, одним сердцем и одними устами поющей, взывающей и глаголющей, где воссылают славословие Богу одновременно устами мужей и жен, старцев и детей». Братство Святителей Московских и Воскресенско-Кадашевский приход находились между собой в тесной связи, стремясь к одной цели — развитию общенародного пения, писали «Московские церковные ведомости» [*Прощание*].

В своем желании соединить христианскую веру, молитву и жизнь Братство старалось не ограничиваться устоявшимися формами благочестия. Как, кажется, близки братчики и к возрождению христианской общины, и к устроению единой евхаристической молитвы предстоятеля и народа! Но, видимо, такие качественные изменения могли возникнуть лишь с последующими трагическими событиями послереволюционной истории Русской церкви XX века.

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

На общем собрании Братства 22 марта 1910 г. некоторыми его членами было выражено пожелание, чтобы на собраниях читались доклады, посвященные церковно-общественной жизни, а также духовно-просветительского характера. Совет братства одобрил эту мысль. С тех пор на каждом собрании Братства кто-либо из братчиков делал сообщение. 5 октября 1910 г. член Братства Д. И. Зарин выступил с докладом «О церковности в богослужбном пении русской православной церкви». 29 ноября 1910 г. член Братства Н. Д. Кузнецов прочитал доклад: «Лев Толстой в отношении к Православной церкви». Совет Братства устроил публичное собрание в память А. С. Хомякова в день 50-летия со дня его кончины. На собрании прозвучали доклады Н. Д. Кузнецова «О Хомякове с общественно-церковной точки зрения» и Ф. Д. Самарина «Несколько отрывков из писем Ю. Ф. Самарина о Хомякове». 22 ноября 1915 г. товарищ председателя Совета П. Б. Мансуров сделал доклад о том, как мирянам следует проводить праздничный досуг и о содействии разумному совершению праздников.

По содержанию доклада выступали члены Братства: священники А. И. Мечев, Ф. И. Введенский, Н. И. Смирнов и другие. Выступал и член Братства А. И. Лебедев по вопросам о вознесении на должную высоту вечернего церковного богослужения, об устройении внебогослужебных собеседований и о привлечении к участию в них возможно большего числа богомольцев.

Собрания Братства проводились примерно один раз в месяц, и в программе каждого собрания обязательно был содержательный доклад. Так, на собрании Братства 23 февраля 1917 г. ректор Тверской семинарии архим. Вениамин выступил с сообщением «Современный мистицизм и Оптиная пустынь как питомник православной духовности». На собраниях могли присутствовать все желающие, разделяющие цели Братства. «Московские церковные ведомости» отмечают, что в них участвовала интеллигенция Москвы и высшее столичное духовенство.

Просветительская деятельность Братства выявлялась не только в докладах по церковной и общекультурной тематике. К ней также можно отнести труды М. А. Новоселова по изданию религиозно-философской библиотеки, организацию им и Ф. Д. Самариным «Кружка ищущих христианского просвещения», который назывался то «новоселовским», то «самаринским». Как свидетельствовал В. А. Кожевников, усилия Самарина сосредоточились на проекте духовного сплочения небольшого числа лиц, близко принимавших к сердцу религиозные запросы, в группу, «которая носила бы характер не столько ученого религиозно-философского общества, сколько духовного, интимно-дружественного братства, члены которого свободным духовным общением, беседами, чтениями и практической деятельностью в церковном духе объединялись бы друг с другом, взаимно содействуя духовному росту» каждого [От друзей, 1–9]. По свидетельству П. Б. Мансурова, Самарин служил определенным церковным идеалам, желая, чтобы они проникали в церковную жизнь свободно и сознательно воспринимались чувством и умом церковного общества [От друзей, 7]. Заслуги Самарина были высоко оценены: зимой 1913 г. он был избран в почетные члены Московской духовной академии «во внимание к деятельности на пользу святой Церкви как путем литературным, так и прямым участием в работах Предсоборного присутствия»¹¹.

11. Из слова свящ. П. Флоренского «Памяти Ф. Самарина» [От друзей, 17].

Устанавливая неформальные связи между деятельными, ищущими мирянами, Братство Святителей Московских формировало живую церковную среду, в которой должен был «вызреть» грядущий церковный Собор. Как отметил член Братства Н. А. Дружинин на собрании Братства 5 октября 1912 г. в связи с вопросом о церковном Соборе, деятельность Братства стала особенно популярной в среде московского духовенства и всех живо интересующихся православной церковью. Братство решило, как отмечалось в годовом отчете, и дальше идти в разъяснении вопросов, связанных с созывом церковного Собора и в подготовке к нему верующих. Через несколько лет А. Д. Самарин будет принимать активное участие в подготовке Собора, а впоследствии — и в его заседаниях.

Заключительный период деятельности Братства

Отсутствие сведений о Братстве Святителей Московских в официальных отчетах не может не вызывать вопросов. Деятельность Братства с самого открытия горячо поддерживал митр. Московский Владимир (Богоявленский). В 1910–1911 гг. практически каждый номер «Московских церковных ведомостей» содержал не только сообщения о деятельности Братства, но и публиковал обширные содержательные материалы: доклад председателя Совета Братства Ф. Д. Самарина, статьи на актуальные церковные темы. Эти публикации вызывали полемику, газета печатала также и отклики. В 1912 г. после назначения на Московскую кафедру архиеп. Томского Макария (Парвицкого-Невского) количество публикаций о Братстве резко сократилось. Известно, что симпатии митр. Макария были на стороне Распутина, против разрушительной для церкви деятельности которого активно выступали члены Братства А. Д. Самарин и священник Владимир Востоков. Еще в 1912 г. Совет Братства практически в полном составе и некоторые члены Братства, а именно: Ф. Д. Самарин, В. Васильев, Н. А. Дружинин, В. А. Кожевников, А. Корнилов, П. Б. Мансуров, М. А. Новоселов, П. Д. Самарин, Д. А. Хомяков, граф П. Шереметев — открыто выступили в защиту изгнанного из Синода по указанию Распутина Саратовского епископа Гермогена (Долганева). В своем открытом заявлении они требовали «передать дело на суд церковного Собора», который и предлагали специально для этого созвать [*Голос мирян*, 5–6]. Митрополит Макарий считался «ставленником» Распутина, поэтому «равнодушие» московской

церковной печати к деятельности Братства было, по-видимому, не случайным. Начиная с 1912 г. сведения о Братстве можно почерпнуть только из кратких заметок в разделе «Летопись епархиальной жизни» и из объявлений об общих собраниях Братства в «Московских церковных ведомостях».

Последнее сообщение о собрании Братства Святителей Московских опубликовано в «Московских церковных ведомостях» в №№ 5–6 за 1917 г. Можно предположить, что в связи с революционными событиями 1917 г. деятельность Братства была прекращена, так как никаких официальных сведений о роспуске и закрытии Братства обнаружить в печати не удалось. Приостановление деятельности Братства в 1917 г. было вызвано необходимостью быстрее реагировать на изменившиеся обстоятельства жизни церкви и общества. А. Д. Самарин и Н. Д. Кузнецов активно участвовали в подготовке Поместного собора Российской церкви. Наиболее деятельные члены Братства собирали силы церкви для вынужденного противостояния нарастающим гонениям безбожной власти. Приведенные ниже свидетельства показывают, что именно члены Братства смогли сориентироваться в непривычных и тяжелых условиях гонений, а «испытанная» форма организации церковной жизни в форме приходских братств «в деле защиты веры и церкви православной» себя не оправдала.

21 марта 1917 г. Московский епархиальный съезд избрал А. Д. Самарина своим председателем. На Чрезвычайном съезде Московской епархии по выбору митрополита после обсуждения были выдвинуты две кандидатуры: мирянина А. Д. Самарина и архиеп. Виленского Тихона (Беллавина), будущего патриарха. В результате пробной баллотировки оба получили равное количество голосов. При окончательном голосовании митрополитом Московским был избран владыка Тихон. «Московские церковные ведомости» № 4 за 1918 г. опубликовали информацию о создании Союза объединенного духовенства и мирян под председательством прот. Н. В. Цветкова. 17 января 1918 г. А. Д. Самарин участвовал в собрании Союза, где было принято «решение о набатном колокольном звоне... в случае угрозы храму или духовенству»¹². В президиум Союза вошли братчики прот. Николай Любимов, прот. Иосиф Фудель, прот. Василий Постников. Союз духовенства и мирян открыл Православную народную академию, в которой

12. См.: [Голубцов, 35]. Возможно, именно в ответ на это решение революционными властями был запрещен колокольный звон.

действовали общедоступные богословские курсы, высшие богословские курсы, пастырские курсы.

30 января 1918 г. в епархиальном доме состоялось многолюдное собрание представителей приходских советов г. Москвы. Там же был образован союзный совет приходских советов Москвы, в который должны были войти по два представителя от каждого из семнадцати благочиний — по одному священнику-настоятелю и одному мирянину. Председателем совета был избран А. Д. Самарин, его заместителями — член Братства прот. С. В. Успенский и прот. Н. В. Цветков.

25 января 1918 г. состоялось чрезвычайное собрание пастырского союза духовенства и мирян под председательством патр. Тихона, которого сменил высокопреосв. Иоасаф, архиеп. Коломенский и Можайский. Выступали члены Братства прот. Н. А. Любимов и профессор МДА, знаток церковного права Н. Д. Кузнецов. Последний старался разъяснить смысл декрета об отделении церкви от государства и призвал «самих верующих объединиться и стать на защиту Церкви от возможных покушений на нее». 25 мая 1918 г. на собрании пастырского союза обсуждался доклад члена Братства прот. Иосифа Фуделя «Опыт переписи прихожан», что можно считать серьезной попыткой вернуться к восстановлению списков членов приходских общин, своеобразных диптихов.

Н. Д. Кузнецов активно участвовал в заседаниях Поместного собора и входил в Союз духовенства и мирян Москвы. Он содействовал распространению истин веры в среде московских рабочих, будучи членом Московского союза ревнителей и проповедников православия, председателем которого стал прославленный в сонме новомучеников и исповедников свящ. Роман Медведь. «Московские церковные ведомости» за 1918 г. публикуют сообщения о собраниях, которые устраивал этот Союз. Собрания проходили «для народа» после вечерни в разных местах Москвы. 14 февраля 1918 г. состоялось собрание Братства ревнителей и проповедников православной веры, на котором выступил Н. Д. Кузнецов; по окончании собрания в братство записалось более 2000 мужчин и женщин, фабричных рабочих.

По сообщению «Московских церковных ведомостей», 6 января 1918 г. прихожане московского храма свв. Косьмы и Дамиана на Таганке объединились в общину Святого Животворящего Креста. Занимался ее устройством настоятель храма священник В. И. Востоков, активный член Братства. В общину могли вступить все православные христиане, как мужчины, так и женщины. Члены общины

объявили своей целью улучшение личной жизни каждого и содействие улучшению общественной жизни христианами средствами, среди которых — исповедь и причастие святых Христовых таин, обязательное чтение слова Божьего и религиозно-нравственных книг. Члены общины призывались вносить средства на благотворительные дела общины, из которых выделялись пособия бедным или попавшим в беду. Община предполагала устраивать собрания молитвенного и просветительного характера, как в храмах, так и в домах. Протоиерей Владимир Востоков одним из первых пытался объединить прихожан своего храма в общину и проводить собрания по домам, так как существование прихода было под угрозой.

Гонения на церковь нарастали. В 1919 г. были арестованы А. Д. Самарин и Н. Д. Кузнецов. Советской властью они были признаны основными вдохновителями «церковной контрреволюции». Этот процесс вошел в историю как «Дело Самарина–Кузнецова» [Голубцов, 57–85]. Оба были приговорены ревтрибуналом к расстрелу, но затем приговор был заменен сроком заключения. В 1925 г. Самарин был вновь арестован. Александр Дмитриевич скончался в 1932 г. в Костроме после возвращения из якутской ссылки. Н. Д. Кузнецов также подвергался арестам. До середины 1920-х гг. он преподавал на академических курсах, участвовал в публичных диспутах как апологет христианского вероучения. Николай Дмитриевич скончался в 1936 г., точная дата его кончины неизвестна [Голубцов, 170].

Михаил Александрович Новоселов, деятельный член Братства, издатель Религиозно-философской библиотеки, после революции также неоднократно подвергался арестам [Полищук, V–LIII]. О кончине его существуют разные версии, вероятнее всего, он был расстрелян. Широко известен первый пример церковного самиздата — его «Письма к друзьям», где автор изложил православное учение о церкви.

К сожалению, имеющиеся в распоряжении сведения не дают полной картины о деятельности членов Братства в послереволюционные годы — для этого требуется отдельное историческое исследование. Тем не менее даже то немногое, что удалось собрать, позволяет сделать некоторые выводы. Священники и миряне, активные члены Братства, оказавшись в сложных условиях гонений, заняли ключевые позиции в церковном противостоянии агрессии безбожного государства и тем самым взяли на себя личную ответственность за судьбу гонимой церкви. Плод

их церковной деятельности — исповеднический путь, труды на благо церкви ради правильного ее устройства и достойный и праведный конец.

Источники и литература

1. *Введенский* = Введенский В. Православные церковные братства, 1864 г. 8 мая — 1914 г. // Прибавления к церковным ведомостям. 1914. № 17. С. 794–798; № 18–19. С. 845–856; № 20. С. 903–913.
2. *Голос мирян* = Святейший Синод и епископ Гермоген : Голос мирян. М. : Типография Саблина, 1912. 6 с.
3. *Голубцов* = Голубцов Сергей, протодьякон. Московское духовенство в преддверии и начале гонений 1917–1922 гг. : Церковно-общественные движения 1917–1918 гг. : Моск. епархия и Синод. Антицерковные судебные процессы 1919–1922 гг. Лидеры и герои, мученики и исповедники. М. : Братство Споручницы грешных, 1999. 192 с.
4. *Доклад Совета Братства* = Доклад Совета Братства по вопросу о богослужебном чтении от 15 декабря 1911 г. // Московские церковные ведомости. 1912. № 3. С. 77–84; № 4. С. 86–112.
5. *Огнев* = Огнев Н. В. На пороге реформ Русской церкви и духовенства. СПб. : Народное право, 1907. 24 с.
6. *Ореханов* = Ореханов Ю. Л. Ф. Д. Самарин и его архив // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института : Материалы 1997 г. М. : ПСТБИ, 1997. С. 117–120.
7. *От друзей* = Феодору Дмитриевичу Самарину († 23 октября 1916 г.) от друзей : Заметки В. А. Кожевникова, кн. Г. Н. Трубецкого, П. Б. Мансурова, свящ. П. А. Флоренского, М. А. Новоселова, Ф. К. Андреева и С. Н. Булгакова : С приложением нескольких писем Ф. Д. Самарина. Сергиев Посад, 1917. 39 с.
8. *Отчет о деятельности Братства* = Отчет Совета о деятельности Братства Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа за 1910 г. // Московские церковные ведомости. 1911. № 8. С. 194–197.
9. *Полищук* = Полищук Е. С. Михаил Александрович Новоселов и его «Письма к друзьям» // М. А. Новоселов. Письма к друзьям. М. : ПСТБИ, 1994. С. V–LIII.
10. *Правила* = Правила о православных церковных братствах и Положение о приходских попечительствах при православных церквах. СПб. : Синодальная типография, 1912. 16 с.
11. *Прощание* = Прощание с любимым пастырем : Перевод епископа Анастасия на Холмскую кафедру // Московские церковные ведомости. 1914. № 24–25. С. 473–475.

12. *Самарин 1910* = Самарин Ф. Д. О задачах Братства Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа и о способах разрешения этих задач // Московские церковные ведомости. 1910. № 6. С. 104–109.
13. *Самарин 1916* = Самарин Ф. Д. О задачах Братства Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа и о способах разрешения этих задач : Речь в Общем собрании Братства 27 декабря 1909 г. М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1916. 23 с.
14. *Самарины* = Самарины. Мансуровы : Воспоминания родных. М. : ПСТБИ, 2001. 228 с.
15. *Смирнов* = Смирнов Николай, свящ. Общецерковное пение как средство для возрождения прихода // Московские церковные ведомости. 1912. № 45. С. 986–998.
16. *Фирсов* = Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен, конец 1890-х — 1918 гг. М. : Круглый стол по религ. образованию и диаконии, 2002. 623 с. (Церковные реформы : Дискуссии в Православной Российской церкви начала XX века : Поместный Собор 1917–1918 гг. и предсоборный период).

Zoya Dashevskaya

Overview of Activity of the Fraternity Sts Peter, Alexis, Iona and Philip, Metropolitans of Moscow (1909–1917)

The article analyses activity of Moscow interparish Fraternity Sts Peter, Alexis, Iona and Philip, Metropolitans of Moscow. It was created at the end of 1909 and existed until 1917–1918. The Fraternity differed from many other parish fraternities by its aims, membership and forms of activity. It united people of traditional piety who craved “revival of the origins of catholicity (sobornost) on the basis of alive church relationship between a bishop, clergy and laymen”. The focus of attention for the Fraternity was vital problems of church life: recovery of sobornost, involvement of laymen into divine service and church charity. Members of the Fraternity were actively involved into preparations of the Local Council of the Russian Orthodox Church. The most enthusiastic summoned up church forces to fight against persecutions of the atheistic regime.

KEYWORDS: Fraternity, F. D. Samarин, A. D. Samarин, catholicity (sobornost), laymen, parish, divine service, Council of 1917–1918.